

Ольга Каштанова

Olga Kashtanova

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

**Рец. на: М. Кулик. *Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815—1856*.
Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. 373 s.**

DOI: 10.31857/S086956870017642-7

В последние десятилетия в польской историографии наметился интерес к российскому «присутствию» в административных, образовательных и иных структурах Царства Польского. Однако пребывание в Польше русских войск как в польских, так и в российских исследованиях освещено лишь выборочно, и монография Мариуша Кулика «Русская армия в Царстве Польском в 1815—1856 гг.» во многом восполняет существующие лакуны¹. Она охватывает период от образования автономного Царства Польского и присоединения его к Российской империи до смерти Николая I и наместника кн. И.Ф. Паскевича, окончания Крымской войны и начала новой эпохи в истории России и Польши. Помимо материалов польских архивохранилищ, автор широко использует и вводит в научный оборот значительный комплекс источников из РГВИА, ГА РФ, РГИА, РГА ВМФ, Архива СПБНИИ РАН, Отдела рукописей РГБ, а также Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе. Это позволило не только рассмотреть структуру и организацию армии, её личный состав и отношения с обществом, но и проследить карьеры бывших военных и их службу в административных учреждениях Царства. Присутствие русских войск на польских землях исследователь «старался представить во многих аспектах, аналогично его влиянию на тогдашнюю жизнь края» (с. 9).

Монография состоит из шести глав. В первой из них показано политическое положение Царства Польского и его стратегическое значение для России. Автор прослеживает интеграцию данного региона в состав империи в 1815—1856 гг. и в то же время отмечает принципиальные отличия ситуации 1815—1830 и 1831—1856 гг. Изначально Царство обладало конституцией и собственными вооружёнными силами. На его территории в распоряжении главнокомандующего польской армией вел. кн. Константина Павловича находилось лишь несколько российских гвардейских полков. На границе между ним и империей действовали таможи. После подавления восстания 1830—1831 гг. польская армия перестала существовать, конституция Царства была отменена и заменена Органическим статутом, однако уже в 1833 г. последовало объявление военного положения, которое сохранялось до 1856 г. Власть в крае оказалась сосредоточена в руках наместника, являвшегося также главнокомандующим Действующей армией. В 1831—1856 гг. в местной администрации возросла роль российских чиновников, русский язык стал использоваться в официальной корреспонденции и учебных программах, возникли жандармский, артиллерийский, инженерный и провиантский округа, являвшиеся частью общеимперских ведомств. Но полной его интеграции при Николае I не произошло, этому

¹ Кулик М. Русская армия в Царстве Польском в 1815—1856 гг. Варшава: Институт истории PAN, 2019. 373 с.

препятствовал сам кн. Паскевич, не желавший ограничения своей власти.

Во второй главе характеризуется организация, численность и дислокация русской армии в исследуемый период. Входившие в состав Резервного корпуса и варшавского гарнизона полки императорской гвардии, переданные под командование вел. кн. Константина Павловича и в значительной степени укомплектованные уроженцами западных губерний, должны были служить образцом при обучении войск. В 1820-е гг. эти части насчитывали около 6 500 человек и имели постоянные места дислокации (в основном в Варшаве и её окрестностях). Кроме того, на западных границах Царства находились четыре казачьих полка (около 2 тыс. всадников). В 1831—1856 гг. в Польше располагался один из четырёх пехотных корпусов Действующей армии. Составлявшие его полки каждые несколько месяцев передислоцировались на новые квартиры. Постоянно же на своих местах оставались гарнизонные части, инвалидные и жандармские команды, а также подразделения Западного артиллерийского и Западного инженерного округов. Казачьи полки во время своего пребывания в крае размещались в одном районе, но по прошествии ряда лет сменялись другими. В целом, как пишет Кулик, русских войск в Царстве в 1830—1850-е гг. было больше, чем принято считать, принимая в расчёт лишь силы одного пехотного корпуса. С учётом офицеров, солдат и чиновников X округа внутренней стражи, III округа Корпуса жандармов, артиллерийского и инженерного округов, а также казаков, их численность доходила до 90 тыс. человек. Вместе с тем после 1831 г. заметную роль в Царстве Польском стали играть фортификационные сооружения, значение которых перед восстанием недооценивалось.

В 1830-х гг. началось строительство новых крепостей и проводилась модернизация уже существовавших. Важнейшими из них стали Брест-Литовск (на границе Царства и империи), Модлин (Новогеоргиевск), Замостье, Варшавская цитадель и Демблин (Ивангород).

В третьей главе проанализированы принципы кадровой политики и чиновничества, применявшиеся в русской армии, а также способы пополнения её личного состава и поддержания дисциплины, система наград и наказаний. Главным условием вступления поляков на царскую службу Кулик считает лояльность по отношению к монарху. Автор обращает внимание на то, что «религиозный состав русских войск не был идентичен национальному. Согласно стереотипу, русский должен быть православного вероисповедания, поляк — католического, а лицо немецкого происхождения — протестантского. Реальность была гораздо более сложной, и эта упрощённая схема идентификации часто имела немного общего с действительностью» (s. 132). Социальный облик офицеров, служивших в Польше после 1830 г., заметно изменился: место элитарных гвардейских полков, где было немало представителей знати, заняли линейные части Действующей армии, офицерские кадры которой составляли обедневшие дворяне. Любопытно, что и в этот период в рядах российской армии оказалось немало поляков, в основном происходивших из западных губерний. Опираясь на архивные данные, автор установил, что их число среди офицеров и военных чиновников достигало 35,5% (в отдельных случаях оно даже превышало 40%), а у нижних чинов — 75%. Тем самым в очередной раз опровергается миф о том, что рекруты из Царства Польского проходили службу только в Сибири или на Кавказе.

В четвёртой главе говорится о финансировании, снаряжении и обучении российской армии. В первые годы её пребывания в Польше оплачивалось Петербургом, но затем все расходы осуществлялись уже из бюджета Царства. Как вполне обоснованно предполагает Кулик, перед восстанием они составляли несколько миллионов золотых (s. 146—147). В дальнейшем затраты значительно возросли, поскольку, помимо содержания войск, приходилось выделять деньги на строительство сети укреплений и соответствующей инфраструктуры. Первоначально на военные нужды шло 40% бюджета Царства, однако постепенно их доля сократилась до 20%. Характерно, что в 1815—1830 гг. на мундирах нередко встречались символы региона расквартирования (для частей гвардии и Литовского корпуса — жёлтые воротники, обшлага, выпушки и лацканы, а также Погоня — герб Великого княжества Литовского — на головных уборах). После подавления восстания все подобные элементы обмундирования были удалены. По словам автора, обучение войск стало «сходным с обучением во всей российской армии, однако уровень строевой подготовки, в частности парадной, был очень высок... (особенно в 1815—1830 годах). Поддержание армии в состоянии боеготовности обеспечивало достижение высокой боевой эффективности, что было проверено на практике во время интервенции в Краков (1846), Венгрию (1849) и в ходе Крымской войны» (s. 183).

В пятой главе освещено положение русской военной администрации, внутренних и иррегулярных войск и вспомогательных служб. Созданное после подавления восстания 1830 г. в Царстве Польском военное управление во главе с варшавским военным губернатором (позднее — генерал-губернатором), подчинявшимся главно-

командующему Действующей армией, заменило «прежнюю административную власть военачальников на занимаемой частями территории» (s. 184). Последовавшее затем образование округов (некоторые из которых подчинялись не петербургскому начальству, а наместнику, как, например, X округ внутренней стражи и III округ Корпуса жандармов) и «включение территории Царства в общевенные административные структуры позволяло унифицировать систему командования и снабжения войск», расквартированных в Польше (s. 228). При этом артиллерийский и инженерный округа и комиссариатские комиссии охватывали пространство не только Царства, но и западных губерний.

В шестой главе Кулик обращается к частной жизни русских офицеров и солдат, прослеживает их судьбы после выхода в отставку, пытается выявить их матримониальные связи. Если до 1830 г. служба российских военнослужащих в польской администрации носила спорадический характер и была связана преимущественно с существованием Высшего временного совета 1813—1815 гг., таможен и т.п., то при кн. Паскевиче она приобрела широкий размах, и многие отставные военные, в том числе и поляки, оказались в разных учреждениях Царства Польского, занимая посты гражданских губернаторов, начальников поветов, бургомистров, чиновников канцелярии наместника или полиции и даже учителей. Для властей армейское прошлое являлось своего рода гарантией лояльности и особо ценилось в условиях нехватки людей и нежелания российских чиновников продолжать свою карьеру на окраинах империи. Ставка делалась и на «смешанные браки». По мысли Александра I, заключённые в конце 1810-х — начале 1820-х гг. союзы между русскими офицерами и поляками должны были стать основой

для мирного сосуществования обоих народов. И хотя в 1830-х гг. в польской среде им уже не сочувствовали, да и постоянная ротация войск не способствовала созданию семей, всё же такие браки имели место и в этот период. Несмотря на то, что при Паскевиче связи представителей военных и чиновничьих структур с населением в основном сводились к служебным, административным и торговым контактам, в целом, как утверждает Кулик, масштаб русско-польских отношений в 1831—1856 гг. «был гораздо бóльшим, чем допускалось до сих пор» (с. 273).

В Заключении автор раскрывает значение армии как «одного из наиболее заметных элементов российского присутствия в Царстве Польском». Особая роль принадлежала при этом возглавлявшим её влиятельным фигурам — вел. кн. Константину Павловичу и кн. Паскевичу, пользовавшемуся полным доверием Николая I. По словам Кулика, «две эти сильные личности сформировали картину и взгляд на российское присутствие, особенно военное, на польских землях» (с. 274).

Помимо библиографии, именно его указателя и словаря используемых военных терминов, в книгу вошли

приложения и таблицы, составленные на основе как опубликованных, так и архивных документов и обобщающие данные о численности, структуре и дислокации российских войск в Царстве Польском в первой половине XIX в.

Нельзя не отметить стремление автора к исторической объективности и преодолению сложившихся стереотипов, мифов, связанных со службой поляков в русской армии. Поэтому, несмотря на встречающиеся иногда повторы, которых трудно избежать при комплексно-тематическом изложении материала, и вынужденное привлечение в отдельных случаях статистических сведений, относящихся к более позднему периоду, написанная на высоком научном уровне монография М. Кулика будет интересна как польским, так и российским читателям.

Примечание

¹ Предыдущая книга М. Кулика посвящена полякам, занимавшим высшие командные посты в Варшавском военном округе в 1865—1914 гг.: *Kulik M. Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego, 1865—1914. Warszawa, 2008.*

Анна Комзолова

Несбывшаяся война светлейшего князя И.Ф. Паскевича*

Anna Komzolova

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The unfulfilled war of His Serene Highness Prince I.F. Paskevich

DOI: 10.31857/S086956870017641-6

Царствование Николая I не получило в историографии всесторон-

него и глубокого рассмотрения и до сих пор вызывает интерес у сравни-

* *Кривопапов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848—1856 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. 288 с.